

НАЗАРОВА Евгения Львовна / NAZAROVA Evgeniya

Институт всеобщей истории Российской академии наук / Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

ezis08@gmail.com

**ИЗ ИСТОРИИ ИМПЕРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ПРИБАЛТИЙСКОМ
КРАЕ 60—70-х гг. XIX в.**

**SEVERAL EPISODES OF THE IMPERIAL LANGUAGE POLICY IN THE BALTIC
PROVINCES IN 1860—1870s**

Abstract: The author examines documents from the archive of the Moscow Educational Region which reflect three aspects of the problem of the spread of the Russian language in the Baltic provinces: 1. The bad teaching of the Russian language in the Baltic provinces and poor knowledge of the Russian language by high school graduates in the region. 2. The attempts of Estland governor M. Galkin-Vrassky to find Russian officials for his provincial administrative staff among the graduates of the Moscow University in 1869; 3. The history of the training of teachers of the Russian language for the Dorpat Educational Region which took place in the Moscow University in 1870s. The documents show that the profession of a teacher of the Russian language was not considered as prestigious both by Russian and Baltic German students. Thus, the government's intention to introduce the Russian language in the Baltic region in the provincial administration was not realized properly. The attempt to teach Russian as an obligatory school-subject in the Baltic German gymnasiums was not successful too. A serious mistake of the imperial language police in the Baltic provinces was the reluctance of the authorities to use well educated Estonians and Latvians as teachers and officials in this region, although they were more inclined to serve to the state as Baltic Germans. The failure of this language program stimulated the imperial authorities to more radical Russification of the Baltic region, which was supported by a part of the Russian society. The wide Russification in the Baltic region took place in the reign of Alexander III.

Ключевые слова / Keywords: Прибалтийские губернии Российской империи, введение русского языка в учреждениях и учебных заведениях Прибалтийских губерний, подготовка учителей русского языка для Прибалтийских губерний в XIX в., Московский университет в 60—70-х гг. XIX в., Дерптский учебный округ, Московский учебный округ, М. Н. Галкин-Врасский / Baltic provinces of the Russian Empire, the introduction of the Russian language in the administration and educational institutions, the training of teachers of the Russian language for the Baltic provinces in the 19th century, Moscow University, Dorpat Educational Region, Moscow Educational Region, M. N. Galkin-Vrassky.

В процессе интеграции Прибалтийских губерний в Российскую империю одним из главных административных (и плохо решаемых) вопросов в течение всего XIX в. оставался вопрос о языке общения местных социальных верхов с властями империи. По условиям привилегий, полученных прибалтийским дворянством за согласие присоединить бывшие шведские владения на Востоке Балтики к Российской империи, официальным языком в автономии оставался немецкий. С эпохи правления Екатерины II, когда центральные власти начали проводить активные меры по реальной интеграции Лифляндии, Эстляндии и Курляндии в Российскую империю, разница между

государственным языком и административным языком Остзейского края оказалась существенным препятствием в общении и управлении регионом. Отсутствие хорошего знания русского языка чиновниками администрации Прибалтийских губерний наталкивалось на незнание или плохое знание немецкого языка чиновниками имперской администрации, тем более во внутренних российских губерниях. Имперские и региональные чиновники очень часто в прямом смысле «говорили на разных языках», отчего нередко возникало неправильное понимание в Остзейском крае распоряжений из Петербурга. А в центральных имперских учреждениях раздражение вызывала необходимость использовать переводчиков при работе с документами из Прибалтийских губерний. Попытки же властей империи ввести русский язык в качестве обязательного для общения прибалтийской администрации с правительственными инстанциями рассматривались местным дворянством как покушение на дарованные им Петром I права.

С 1820-х гг. русский язык преподавался в гимназиях Дерптского учебного округа (далее — ДУО) и в Дерптском университете. Но обучение велось плохо. Гимназисты и студенты, которые не были ориентированы на дальнейшую работу за пределами Остзейского края, не видели особой необходимости в хорошем изучении государственного языка. Кроме того, не хватало квалифицированных учителей. В начале 1861 г. ввели подготовку учителей русского языка на открытых в Дерпте педагогических курсах. Но популярностью среди жителей края эта специальность не пользовалась. Не принесло положительного результата и распоряжение по Министерству народного просвещения занимать вакансии учителей русского языка в ДУО выпускниками университетов из других губерний империи¹. Русские учителя не стремились ехать в чуждую для них по менталитету Прибалтику. Кроме того, трудно было найти кандидатов с хорошим знанием немецкого языка.

При нехватке учителей русского языка в самом ДУО странно выглядит правительственный указ от 25 мая 1864 г. о выделении 30 стипендий для подготовки в Дерптском университете учителей не для своего региона, а для Северо-Западного края (литовских и белорусских губерний). Причём обучение должно было вестись на русском языке. На стипендии могли претендовать как православные, так и лютеране, проживавшие в Прибалтийских губерниях². Правда, неизвестно, была ли эта программа вообще реализована.

---

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения (далее — Сборник МНП). СПб., 1865. Т. 3. № 279. Стб. 557.

² Там же. № 550. Стб. 1163—1164.

В самом прибалтийском обществе отношение к учителям русского языка (как местным, так и приезжим) долгие годы было не слишком благожелательным. Ещё в 1870 г. учитель и общественный деятель Г. А. Пассит (из семьи православных латышей) писал лидеру латышского национального возрождения К. Валдемарсу, что в Прибалтийском крае «учитель русского языка — в настоящем смысле этого слова — стоит меж двух огней; сверху требуют по русскому языку успехов, ученики [имеются в виду местные немцы. — *Е. Н.*] с молоком матери, с каждым дыханием родителей и старших впитывают ненависть и презрение ко всему, что называется русским, а в особенности к русскому языку, с которым им приходится сталкиваться [всё] осязательнее. ...Нерасположение к науке почти всегда переносится на преподавателя»³.

Хотя ситуация с русским языком в Прибалтийском крае сильно беспокоила имперские власти, в условиях постоянной политической нестабильности в соседних Северо-Западном крае и Царстве Польском они не хотели обострять отношения со здешним немецким дворянством⁴. Сам Александр II отмечал, что с русским языком в крае «положение трудное», но «действуя с тактом, можно достигнуть, чего мы желаем»⁵. При этом при дворе следили за тем, чтобы и русские чиновники знали немецкий язык⁶.

Всё же по мере того, как увеличивалось экономическое значение Прибалтийского края для развития империи, менялось и отношение остзейских немцев к русскому языку. Они начали осознавать не только потребность в знании государственного языка, но и то, что наличие владеющих русским местных специалистов позволит ограничить приток в край русских чиновников. К тому же наглядным примером последствий конфронтации с имперским центром служили меры по административной и национальной русификации бывших земель Речи Посполитой после подавления восстания 1863—1864 гг.

С конца же 1860-х гг. выпускники гимназий региона — среди них были уже не только немцы, но и в небольшом числе латыши и эстонцы — всё чаще стали выбирать для продолжения образования российские университеты. Однако при хорошей подготовке по другим предметам они часто не могли поступить в университет из-за

³ Krišjānis Valdemārs. *Lietišķā un privātā sarakste*. Rīgā, 2007. 2. sēj. (далее — *Sarakste* 2007). № 293. Лрр. 294.

⁴ О роли русского языка как элемента национальной политики имперских властей в Прибалтийском крае до начала русификации национальных окраин в 1880-х гг. см.: *Назарова Е. Л.* Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края в политике властей и представлениях общественности Российской империи. XIX в. // *Исторический путь литовской письменности: сб. материалов конференции*. Вильнюс, 2005. С. 261—291.

⁵ Из воспоминаний М. Н. Галкина-Врасского об аудиенции у императора после назначения его на должность эстляндского губернатора. См.: *Галкин-Врасский М. Н.* Из записной книжки 1868 г. Назначение эстляндским губернатором // *Русская старина*. 1917. Т. 169. Год 48-й. Январь. С. 97—104.

⁶ Там же. С. 99—102.

проблем с русским языком⁷. Плохая языковая подготовка в гимназиях начинала беспокоить и самих учеников, и их родителей. Соответственно, появились претензии и к руководству учебных заведений. В это же время лидеры латышского и эстонского национального возрождения начали призывать власти страны активно использовать коренное население в процессе интеграции региона в империю. О том, что латыши готовы к изучению русского языка и необходима лишь поддержка правительства (финансовая и законодательная) для реализации учебных программ, лидер латышского национального возрождения Кришьянис Валдемарс неоднократно писал в конце 1860—70-х гг. министру народного образования Д. А. Толстому⁸.

Таким образом, отторжение русского языка частью прибалтийского общества сталкивалось с осознанием потребности в нём другой частью жителей региона и с планами имперских властей по административной русификации.

В архивном собрании Московского учебного округа (далее — МУО) сохранились материалы, которые на конкретных примерах позволяют полнее раскрыть разные аспекты проблемы распространения русского языка в Прибалтийских губерниях. Ниже рассмотрим лишь несколько документов, относящихся к концу 1860—70-х гг.

27 сентября 1867 г. от попечителя ДУО А. А. Кейзерлинга его коллеге в Москве А. П. Ширинскому-Шихматову было направлено письмо с выражением обеспокоенности судьбой двух несостоявшихся студентов Московского университета. Кейзерлинг сообщал, что выпускники гимназий ДУО Александр Зандер и Карл Роза (он мог быть и латышом Карлисом Розе / Karlis Roze) сдавали испытания, необходимые для поступления в Московский университет. Но им было отказано в приёме «по причине неудовлетворительных сведений в русском языке». Когда же молодые люди вернулись в Дерпт, оказалось, что они опоздали и «для поступления в Дерптский университет». Кейзерлинг просил попечителя МУО прислать в Дерпт их письменные сочинения, чтобы можно было понять требования по русскому языку в Московском университете и сообщить о них гимназиям в Прибалтийских губерниях. При этом Кейзерлинг выражал «сожаление, что отказом в приёме в означенный университет эти люди лишаются весьма удобного случая к усовершенствованию своих познаний в русском языке»⁹. Ширинский-

---

⁷ Об уровне подготовки по русскому языку в Дерптском университете и гимназиях Прибалтийских губерний в первой половине — середине XIX в. см.: Назарова Е. Л. Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края... С. 264—267.

⁸ Krišjānis Valdemārs. Lietišķā un privātā sarakste. Rīgā, 1997. 1. sēj. (далее — Sarakste 1997). № 60. Lpp. 172; № 84. Lpp. 215; Назарова Е. Л. Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края... С. 273, 274.

⁹ Центр хранения документов до 1917 г. (далее — ЦХД). Ф. 459. Оп. 2. Д. 3129. Л. 4—4об.

Шихматов, в свою очередь, отдал распоряжение ректору Московского университета, чтобы тот послал в Дерпт Кейзерлингу «необходимые сведения по его письму»¹⁰.

Нет оснований полагать, что упомянутые юноши были первыми выходцами из Прибалтийских губерний, которые собирались поступать в российские вузы и не смогли преодолеть затруднения с русским языком. Повышенное внимание попечителя ДУО к данному случаю было обусловлено, скорее всего, тем, что в том же году в имперском правительстве начался очередной виток активности по внедрению русского языка в учебные заведения Прибалтийских губерний. Еще 1 июля 1867 г. в Кабинете министров было принято постановление о мерах по улучшению преподавания русского языка в ДУО. Было предписано ввести уроки русского языка в четырёх младших классах гимназий округа. Кроме того, со следующего года следовало ввести в одной из гимназий округа преподавание всеобщей истории на русском языке, а в Риге должна была быть учреждена русская гимназия¹¹.

Очевидно, для Кейзерлинга поступление Зандера и Розы в Московский университет было бы подтверждением хорошей подготовки по русскому языку во вверенных ему гимназиях. Провал же их являлся свидетельством того, что вмешательство правительства в этот процесс вполне оправдано. Тем более что особое недовольство и самих абитуриентов, и их родственников, и местного общества в целом вызвала двойная неудача молодых людей: не смогли поступить в Московский университет и опоздали со сроками поступления в Дерптский.

Вполне вероятно, что этот случай сыграл не последнюю роль в том, что правительство установило особый контроль за преподаванием русского языка в крае, учредив в 1868 г. должность специального помощника попечителя ДУО¹².

Нехватка в регионе чиновников разного уровня, знавших русский язык, стала серьёзной проблемой для управления Прибалтийскими губерниями в конце 1860-х гг., когда сношение с имперскими правительственными структурами в очередной раз было решено перевести на государственный язык. Характерно, что за исполнением этого решения ещё более пристально, чем при дворе и в правительстве, следили представители русской общественности славянофильской ориентации. В газете «Московские ведомости» и в других печатных изданиях появлялись статьи, разоблачавшие отсутствие или «зажимание русского элемента» в Остзейском крае.

---

¹⁰ Там же. Л. 1, 3.

¹¹ Сборник МНП. СПб., 1871. Т. 4. № 214. Стб. 478; № 263. Стб. 590—612. О русской гимназии в Риге как одном из лучших учебных заведений в Прибалтийском крае см.: *Бартеле Т. М.* Рижская Александровская гимназия (1868—1914) — ответ на вызовы времени // *Россия и Латвия в потоке истории*. 2-я половина XIX в. — 1-я половина XX в. М., 2015. С. 7—35.

¹² Сборник МНП. СПб., 1877. Т. 5. № 155. Стб. 732.

Причём настрой «Московских ведомостей» не изменило и высказанное непосредственно М. Н. Каткову в конце 1868 г. мнение императора, что постоянные, «безусловные порицания» прибалтийских немцев за отношение к русскому языку приносят «вред, а не пользу», достигают «противоположной цели»¹³.

Показательно в этом отношении письмо от 26 августа 1869 г. курляндского губернатора П. фон Лилиенфельда, обратившегося к К. Валдемарсу за помощью против чрезмерных нападков «Московских ведомостей». По заверению Лилиенфельда, в его губернии добросовестно исполняются «все правила относительно введения русского языка в присутственных местах». Губернатор просил Валдемарса объяснить «почтенной редакции... невозможность... представить публично какие-либо оправдания», поскольку в газете требуют от него больше, чем он уполномочен своими служебными обязанностями¹⁴.

Понимая, что лучшими специалистами с необходимым знанием двух языков могли быть местные уроженцы, знакомые с обстановкой в регионе, бывший губернатор Курляндской губернии (в 1858—1868 гг.) И. фон Бреверн и Прибалтийский генерал-губернатор (1866—1870 гг.) П. П. Альбединский осенью 1868 г. обратились в Министерство народного просвещения (очевидно, каждый в отдельности) с предложением упростить испытания по русскому языку и словесности для выпускников прибалтийских гимназий при поступлении их в российские университеты. Оба чиновника настаивали, что нет необходимости требовать от прибалтийских абитуриентов совершенного владения русским языком. Достаточно таких знаний языка, чтобы они смогли слушать и понимать лекции. Практические же навыки в русском языке они в любом случае приобретут, общаясь с русскими студентами и окружающими жителями в годы обучения в университете. Если же прибалтийские уроженцы смогут учиться только в Дерптском университете, где преподавание ведётся по-немецки, или поедут в Европу, они совсем забудут русский язык и не будут полезны для работы в России¹⁵.

Рассуждения Бреверна и Альбединского полностью разделял и товарищ министра народного просвещения И. Д. Делянов. Однако в письме к попечителю МУО князю А. П. Ширинскому-Шихматову (от 19 октября 1868 г.) Делянов замечал, что не сможет поддержать данное предложение, ибо упрощение испытаний по русскому языку

¹³ Галкин-Врасский М. Н. Из записной книжки 1868 г. С. 99.

¹⁴ Sarakste 2007. № 284. Lpp. 481.

¹⁵ ЦХД. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3215. Л. 2—2об. Следует добавить, что Альбединский старался стимулировать изучение русского языка и в народных лютеранских школах, в связи с чем обратился к военному министру с предложением сократить призывникам, знающим русский язык, срок службы на два года. См.: Назарова Е. Л. Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края... С. 273—274.

противоречит §§ 85 и 86 Устава российских университетов. По его словам, министерство предпримет меры по улучшению преподавания русского языка в Прибалтийском крае. Вместе с тем это не исключало и подготовку прибалтийских выпускников в российских университетах. Последнее тем более было важно, ибо полностью отвечало «Высочайшему повелению» от 1 июня 1867 г. «О введении в коронных присутственных местах Прибалтийского края делопроизводства на русском языке». Поэтому Делянов просил Ширинского-Шихматова посодействовать, чтобы Совет Московского университета временно проявлял бы к прибалтийским абитуриентам «некоторое снисхождение» на испытаниях в языке и словесности до тех пор, пока меры по улучшению преподавания русского языка не дадут результатов¹⁶.

Письмо было переслано в университет. Однако оттуда поступил уклончивый ответ, что «в настоящем году никто из окончивших курс в Остзейских гимназиях не поступал прямо в Московский университет, но из Дерптского университета перешли пять студентов, которые на основании университетских правил не подлежали проверочным испытаниям». Затем аналогичный ответ был послан из МУО в министерство¹⁷. По сути дела, это была подсказка (хотя, возможно, и невольная) проректора Г. Щуровского, как можно принимать прибалтийскую молодёжь в русские университеты, не нарушая университетского Устава.

Тем не менее для подготовки специалистов из прибалтийских уроженцев необходимо было несколько лет, а чиновники в Остзейских губерниях нужны были сразу. Такая проблема подбора чиновников, которые могли бы одинаково свободно общаться и с имперским центром, и с немецкоязычными региональными структурами, встала перед вновь назначенным губернатором Эстляндии М. Н. Галкиным-Врасским. Прибыв в самом конце 1868 г. в Ревель и оценив там обстановку, он обратился в поисках чиновников для своей администрации в Московский университет. В письме от 21 марта 1869 г. к А. П. Ширинскому-Шахматову Галкин-Врасский просил помочь найти молодых людей из выпускников или оканчивавших курс Юридического факультета Московского университета, которые бы согласились занять вакансии двух делопроизводителей в Эстляндском губернском правлении, «правителя канцелярии губернатора» и «чиновника особых при нём поручений». Обязательными условиями для кандидатов было русское происхождение и хорошее знание немецкого языка, «который

---

¹⁶ Там же. Л. 1, 1об., 2об.

¹⁷ Там же. Л. 5.

до сих ещё пор употребляется в сношениях со всеми некоронными учреждениями губернии»¹⁸.

Делая выбор в пользу русских чиновников со знанием немецкого языка, а не наоборот, губернатор в определённой степени отступал от указания императора «действовать с тактом». Очевидно, что с точки зрения профессиональной подготовки и знания местных законов (им губернатор изначально уделял большое внимание)¹⁹ подходящих людей, способных быстро освоить русский язык, Галкин-Врасский мог найти и на Юридическом факультете Дерптского университета. Кроме того, он, возможно, учитывал и то, что чиновники, не связанные родственными или дружественными связями с жителями региона, смогут без оглядки на местное общество лучше исполнять свои обязанности.

Князь Ширинский-Шихматов серьёзно отнёсся к просьбе эстляндского губернатора и переслал письмо декану Юридического факультета В. Н. Лешкову, который тут же взялся за поиски будущих стипендиатов. Однако первые поиски показали, что предложения работы в Эстляндии «не производят на студентов никакого особенного впечатления»²⁰. В записке попечителю МУО от 20 мая 1869 г. Лешков писал, что «знание немецкого языка для деловых сношений, весьма обыкновенное вознаграждение [700—800 руб. в год. — *Е. Н.*], всё это не весьма тешит воображение» выпускников. Правда, он полагал, что ещё могут найтись желающие и «надо обождать»²¹.

Но и из другой докладной записки в МУО (от 3 июля) следовало, что, несмотря на все распоряжения, «до сих пор только один действительный студент [то есть выпускник университета без особых успехов. — *Е. Н.*] Юридического факультета изъявил желание посвятить себя службе в Эстляндской губернии». Другим возможным претендентом был действительный студент Математического факультета, имевший опыт службы «по ведомству Юстиции». Лешков спрашивал, устроят ли эти кандидатуры губернатора Галкина-Врасского²².

Ответ Галкина-Врасского на данное письмо неизвестен. Но очевидно, что эта информация носила сугубо предварительный характер. До конца июля не было полной уверенности, что выпускники, о которых шла речь, не найдут более подходящую для себя работу, чем служба в Ревеле. К окончательному утверждению кандидатур для работы в Эстляндской губернии вернулись в конце июля. В письме М. Н. Галкину-

¹⁸ ЦХД. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3309. Л. 1—1об.

¹⁹ Галкин-Врасский М. Н. Из записной книжки 1868 г. С. 100.

²⁰ ЦХД. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3309. Л. 2.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 3.

Врасскому от 23 июля 1869 г. помощник попечителя МУО князь Н. П. Мещерский назвал имена только двух, а не четырёх выпускников Юридического факультета Московского университета: кандидата университета [то есть получившего первую учёную степень по окончании полного курса с отличием. — *Е. Н.*] Александра Коробкина и действительного студента Константина Станюкевича, которые «изъявили желание посвятить себя служебной деятельности в Эстляндской губернии»²³.

Станюкевич мог быть тем действительным студентом, который упоминался в записке от 3 июля, а кандидата Коробкина нашли в последний момент, возможно, пообещав быстрый карьерный рост или достаточно быстрый перевод в Россию. Студент же Математического факультета не упоминается. Математик, хоть и с опытом работы в органах юстиции, скорее всего, Галкина не устроил. Коробкину и Станюкевичу были даны хорошие характеристики как знающим специалистам и перспективным работникам, но в письме не говорилось о степени владения ими немецким языком. Поэтому из Ревеля в Москву поступила телеграмма с просьбой срочно сообщить «достаточно ли знают немецкий язык рекомендуемые молодые люди», так как «язык этот в настоящее время еще необходим при делопроизводстве». На что был дан ответ: молодые люди знают «немецкий язык настолько, что при практике скоро будут свободно изъясняться»²⁴.

Дальнейшая судьба этих молодых людей неизвестна — так же как и то, кем были заполнены все необходимые вакансии в канцелярии эстляндского губернатора: нашли ли кого-то в других российских университетах или все-таки взяли на работу выпускников из Дерпта, подучив их русскому языку. В любом случае, было очевидно, что намерение заполнить все должности в губернских структурах русскими чиновниками и выходцами из других регионов плохо выполнимо.

Параллельно с этим в министерстве начали воплощать в жизнь указ от 1 июля 1867 г. о подготовке учителей русского языка для ДУО. Помимо гимназий и прогимназий было обращено внимание и на обязательное введение уроков русского языка в начальных народных латышских и эстонских школах. Правда, русский язык ввели сначала только в школах при православных приходах, которые финансировались из Министерства народного просвещения. Соответствующее постановление было принято 2 марта 1870 г. Учителей русского языка для таких школ предполагалось готовить в двух вновь открытых учительских семинариях по образцу семинарии,

---

²³ Там же. Л. 7—8.

²⁴ Там же. Л. 9—9об.

учреждённой в 1864 г. в г. Молодечно Виленского Учебного округа²⁵. Последнее означало, что учителями в такой семинарии должны были быть русские и православные, как и в семинарии в Молодечно²⁶.

Но и для работы в семинариях требовались хорошо подготовленные учителя. К тому же предполагалось, что учителя русского языка смогут также исполнять обязанности делопроизводителей в учреждениях ДУО. Они должны были вести переписку с центральными и местными «присутственными местами» на русском языке²⁷. При русских гимназиях, начавших работу в 1868 г. в Риге и в 1871 г. в Ревеле, предполагалось открыть подготовительные отделения для обучения латышей, эстонцев и немцев русскому языку, чтобы они затем смогли бы там учиться²⁸.

Для выпускников прибалтийских гимназий, которые захотели бы получить специальность учителя русского языка, был учреждён специальный стипендиальный фонд. Стипендиаты могли получить высшее образование за казённый счёт, за что должны были по направлению министерства обязательно отработать шесть лет. Первоначально, ещё в 1869 г., предполагалось, что группа из шести стипендиатов будет создана при Московском университете. Стипендиатов должен был назначать Дерптский университет, а обучение в Москве рассчитывалось на два года. При этом допускалось, что среди таких стипендиатов будут студенты, не слишком хорошо владеющие русским языком, то есть не обязательно этнические русские. Затем, однако, в министерстве решили, что целесообразнее открыть такую группу при Историко-филологическом институте в Петербурге, специально готовившем учителей для гимназий. Студенты там жили в пансионе при институте и могли постоянно общаться по-русски с русскими однокашниками. К тому же в институте подготовка учителей проходила «через практические упражнения студентов в преподавании в состоящей при нём гимназии», а в университете педпрактике уделялось меньше внимания. Указ о стипендиях при Историко-филологическом институте был утверждён Государственным советом 21 февраля 1872 г.²⁹

Дальнейшая судьба этой группы неизвестна. В любом случае шесть стипендиатов Историко-филологического института не могли восполнить нехватку учителей русского языка и низкий уровень его преподавания в Прибалтике. Поэтому в 1873 г. в министерстве вернулись к вопросу о создании группы стипендиатов в Московском университете. Соответствующий указ был утверждён императором 28 октября 1873 г.

²⁵ Сборник МНП. Т. 4. № 519. Стб. 1510—1530; Т. 5. № 20. Стб. 46—48.

²⁶ Там же. Т. 3. № 554, 555. Стб. 1174—1190.

²⁷ Там же. Т. 4. № 521. Стб. 1530—1531.

²⁸ Там же. Т. 5. № 68. Стб. 179—192.

²⁹ Там же. № 155. Стб. 714—717.

Группа создавалась на тех же условиях, что и в Историко-филологическом институте, включая стипендию в размере 400 руб. каждому студенту (позже предполагалось увеличить размер стипендии до 500 руб.). Профессору, руководившему обучением стипендиатов, выделялось до 900 руб. в год³⁰.

Во исполнение указа министр просвещения граф Д. А. Толстой поручил правлению Московского университета найти подходящих студентов, а также связаться по данному вопросу с руководством ДУО. Но в отличие от стипендиатов Историко-филологического института, набравшихся из уроженцев Прибалтийского края разных национальностей, в группе стипендиатов университета четыре человека должны были назначаться попечителем ДУО из русских, «окончивших полный гимназический курс в одной из прибалтийских гимназий». А на две оставшиеся стипендии могли претендовать студенты Московского университета, но обязательно русского происхождения и «достаточно знакомые с немецким языком при своём поступлении в университет». Эти студенты в процессе обучения обязаны были прослушать в университете курс немецкого языка и словесности и «выдержать из онога надлежащие испытания»³¹.

Стипендии были открыты с начала календарного 1874 г., и почти сразу же начались сложности. Так, согласно указу, руководство студентами поручалось одному из профессоров Историко-филологического факультета Московского университета по назначению министерства, который должен был преподавать им русский язык. На эту должность был назначен профессор истории русской литературы Ф. И. Буслаев, который в 1859 г. преподавал литературу наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, что может свидетельствовать о большом внимании к проекту императора Александра II.

Буслаев, как отмечалось в документах, сам согласился вести занятия в группе, за что ему было назначено вознаграждение в размере 850 руб. в год. Но вполне вероятно, что согласие Буслаева было не совсем добровольным, а желание видеть его в этом качестве исходило как раз из окружения Александра II или от самого императора. У Буслаева была ещё ранее запланирована длительная заграничная командировка с 1 мая 1874 г. по 1 сентября 1875 г., от которой он не захотел отказываться. На это время вместо него руководить стипендиатами был назначен не менее известный историк русской литературы ординарный профессор Н. С. Тихонравов³². А по возвращении из командировки Буслаев заявил совету Историко-филологического факультета, что «желает передать руководство Дерптскими стипендиатами ординарному профессору Тихонравову». Тот уже с ними работал и «изъявил согласие принять это руководство на

³⁰ Там же. № 437. Стб. 2165—2177.

³¹ ЦХД. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3661. Л. 1—2.

³² Там же. Л. 4, 9—10, 12.

себя». Возможно, интерес при дворе к программе подготовки учителей уже слегка поостыл, поэтому попечитель МУО, посоветовавшись с министерством, разрешил замену руководителя³³.

Очень сложно оказалось найти кандидатов на две стипендии среди студентов Московского университета. 30 апреля 1874 г. ректор университета профессор С. М. Соловьев сообщил в МУО, что «в текущем академическом году не нашлось подходящих требованиям кандидатур». То есть русских студентов, прилично знавших немецкий язык, не привлекала перспектива проработать шесть лет в немецких гимназиях Прибалтийских губерний. Хотя стипендия по тем временам была вполне приличной³⁴. Занять вакансии согласились только два студента Историко-филологического факультета, которые перевелись в Московский университет из Дерптского. Согласно характеристике руководства факультета, эти студенты «отличались по своим успехам». Поэтому совет университета предложил дополнить правила о стипендиях положением, по которому «в случае невозможности заместить стипендии студентами коренного русского происхождения, Историко-филологическому факультету предоставляется право назначать эти стипендии студентам, поступившим в Московский университет по окончании гимназического курса в Дерптском учебном округе или перешедшим в Московский университет из Дерптского университета». Это предложение 27 мая 1874 г. было утверждено императором в качестве дополнения к предыдущему указу³⁵.

Но и в ДУО подбор кандидатов на четыре стипендии из русских уроженцев Прибалтийского края — выпускников немецких гимназий не был простой задачей. Поэтому по указу от 27 мая 1874 г. разрешалось брать стипендиатов «и не русского происхождения», которые показали «как во время пребывания в гимназии, так и на выпускном испытании основательное знание русского языка»³⁶.

Привлечь студентов в группу стипендиатов решили также послаблением на выпускных экзаменах. Студенты университета, чтобы поступить на работу в средние учебные заведения, должны были сдать специальные экзамены на право преподавать в гимназии и прогимназии. Экзамены были достаточно сложными, требовали как широких теоретических знаний по предмету, так и практического умения донести эти знания до учеников. В 1875 г. по предложению профессора Тихонравова студенты его группы могли быть освобождены от такого сложного экзамена на звание учителя русского

---

³³ Там же. Д. 3740. Л. 2—3об.

³⁴ Для сравнения скажем, что именная стипендия в память 50-летнего юбилея восстановления Дерптского университета составляла в 1852—1872 гг. 250 руб. В 1872 г. был поставлен вопрос о постепенном увеличении её до 300 и 350 руб. (Сборник МНП. Т. 5. № 215. Стб. 1400—1402).

³⁵ ЦХД. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3661. Л. 15, 17—17об.

³⁶ Там же. Л. 17об.

языка, но с условием, что все они (включая кандидатов от ДУО) должны были официально стать студентами Славяно-русского отделения Историко-филологического факультета Московского университета. Им предписывалось посещать все положенные занятия и сдавать экзамены. Освободить дерптских стипендиатов от испытаний на звание учителя русского языка, по замечанию Тихонравова, можно было на том основании, что они «достаточно к выпуску владеют русским языком, чтобы удовлетворять требованиям»³⁷. Это замечание свидетельствовало о том, что среди стипендиатов ДУО были в тот момент не только этнические русские.

Однако освобождение от экзамена на звание учителя не позволяло определить профессиональную пригодность окончивших курс стипендиатов, поскольку в испытания входило не только определение уровня владения ими русским языком, но и умение его преподавать. Студенты Московского университета проходили практику в разных московских гимназиях, но отсутствие ожидаемого испытания автоматически снижало внимание испытуемых к этой части их подготовки. Надо также учесть, что в Москве студенты учили гимназистов родному языку, а в Прибалтике должны были преподавать русский язык как иностранный. О том же, что в программу обучения стипендиатов входили практические занятия в прибалтийских учебных заведениях, в документах не упоминается.

Требование пройти курс обучения на Славяно-русском отделении неожиданно выявило степень прилежания стипендиатов и их способности. Как оказалось, не все стипендиаты были настроены на интенсивную учебу в течение четырёх лет. Показательна в этом плане переписка в 1876 г. между университетом и обоими учебными округами об исключении стипендиата Николая Мачевского (национальность его неизвестна). Ещё в 1867 г. Мачевский закончил Юридический факультет Дерптского университета, после чего работал домашним учителем и только затем оказался в числе стипендиатов от ДУО. Но став студентом Московского университета, он «не мог с успехом следить за профессорскими лекциями и к переходному экзамену на II курс не явился», в связи с чем был оставлен на I курсе. В следующем году в университете он не показывался, «получая отпуска по ходатайству попечителя Дерптского учебного округа». Пропуски оправдывались справками о его плохом здоровье и вредностью для него московского климата. Поэтому в случае его отчисления чиновники из ДУО просили освободить его «от возмещения стипендии», то есть от возврата уже потраченных на него денег. Мачевского пригласили на заседание совета факультета, чтобы выяснить, не хочет ли он остаться «в числе своекоштных студентов». Но оказалось, что его вообще

---

³⁷ Там же. Л. 21—26.

нет в Москве, хотя отпуска ему на те дни не давали. Разразился скандал, в результате которого Мачевский был вообще «уволен из университета»³⁸. Заставили ли его вернуть стипендиальные деньги — неизвестно.

Такая ситуация могла возникнуть потому, что эти стипендиаты в бóльшей мере подчинялись попечителю ДУО, нежели администрации Московского университета. Поэтому было решено «более определённо прописать отношения между дерптскими стипендиатами и Московским университетом». Согласно решению Министерства народного просвещения, изложенному в циркуляре от 4 июля 1876 г., «отношения попечителя Дерптского учебного округа к стипендиатам сего округа, воспитывающимся в Московском университете, ограничиваются только выбором лиц, которым могут быть назначены четыре из этих стипендий». Впредь рекомендуемые попечителем ДУО кандидаты должны были проходить вступительные испытания наряду с другими абитуриентами, а также подчиняться всем университетским правилам. Отпуск во время учебного года предоставлялся им только по предварительному согласованию между канцелярией попечителя ДУО и руководством Московского университета. Вопрос о возвращении стипендиальных денег в случае исключения их из числа студентов университета до окончания курса обучения должен был рассматриваться министерством отдельно в каждом конкретном случае³⁹.

Введение в действие названных изменений сделало бы подготовку учителей русского языка для Прибалтийского края более эффективной. Вместе с тем повышались и требования к посылаемым на учебу стипендиатам, что сокращало и без того небольшое число претендентов на эти стипендии.

Документы о дальнейшей истории этого стипендиального фонда и подготовленных по нему учителей русского языка пока не найдены, хотя можно сказать, что очередной этап в работе группы начался после избрания Н. С. Тихонравова летом 1877 г. ректором Московского университета⁴⁰. В этом случае должен был смениться руководитель группы.

Документы, отражающие дальнейшую судьбу этого проекта, пока не известны. Но и представленные выше материалы позволяют сказать, что результаты проведения программы подготовки учителей в жизнь были далеки от замыслов тех, кто её разрабатывал. Не были учтены специфические условия Прибалтийского региона, отношение к усилению русского влияния и к учителям русского языка в прибалтийско-немецком обществе. Кроме того, полностью игнорировались уже обозначившиеся к

---

³⁸ Там же. Л. 29—30.

³⁹ Там же. Л. 33, 33об., 36, 36об.

⁴⁰ Там же. Д. 3793.

концу 1860-х гг. возможности использовать в данной программе студентов из латышей и эстонцев. Не исключено, что среди дерптских стипендиатов и попадались латыши и эстонцы, но они рассматривались в общем потоке прибалтийского «не русского» (равнозначного немецкому) начала, а не как конкретно представители большинства коренного населения. И вряд ли могло быть иначе при ориентированности имперских властей в правление Александра II на остзейское дворянство. Вместе с тем создаётся впечатление, что невозможность (неумение, нежелание) реализации программы разумного внедрения государственного языка в административных структурах и учебных заведениях Прибалтийских губерний сыграла на руку сторонникам радикальной русификации, ставшей официальной национальной политикой в Российской империи при Александре III.

Список литературы

Бартеле, Т. М. Рижская Александровская гимназия (1868—1914) — ответ на вызовы времени / Т. М. Бартеле // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX в. — 1-я половина XX в. — Москва : ИВИ РАН, 2015. — С. 7—35.

Галкин-Врасский, М. Н. Из записной книжки 1868 г. Назначение эстляндским губернатором / М. Н. Галкин-Врасский // Русская старина. — 1917. — Т. 169. — Год 48-й. — Январь. — С. 97—104.

Назарова, Е. Л. Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края в политике властей и представлениях общественности Российской империи. XIX в. / Е. Л. Назарова // Исторический путь литовской письменности : сб. материалов конференции. — Вильнюс : Институт литовского языка, 2005. — С. 261—291.

Сборник постановлений Министерства народного просвещения. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1865—1877. — Т. 3—5.

Krišjānis Valdemārs. Lietišķā un privātā sarakste. — Rīgā : Latvijas Valsts Vestures Archivs, 1997—2007. — Sēj. 1—2.